

Предисловие

«Судьбы? Хороводы? Что за бред!» — скажет строгий читатель.

В его глазах светится превосходство над автором, которому мерещатся какие-то хороводы. А он такой сильный, решительный, всего добьется сам. Ему хороводы водить некогда, да и незачем. Вот-вот изловчится, схватит счастье и никому его не отдаст.

Желаю удачи, но уверена, что ничего не получится. Счастье не любит нахрапистых. Им достается успех, иногда слава, часто деньги и почти всегда зависть. Но не счастье.

Счастье ждут терпеливо и смиренно, заполняя дни обычными делами. Поработать на шефа, приготовить еду, понервничать над школьными уроками, попить кофе с подругой... Так проходит жизнь. Иногда еще успеваем посмотреть на березу за окном. У вас тополь? Тоже неплохо. И кажется, что мы никуда не движемся, топчемся на месте, а жизнь проходит мимо. Вчера береза была зеленой, а сегодня уже золотая. Жалко себя до слез, ведь жизнь — штука одноразовая.

Лана Барсукова

У меня хорошая новость: мы не стоим. Мы водим хороводы вокруг счастья.

Возможно, пока оно повернуто к нам спиной, не видит нас. Но обязательно на каком-то витке нашего кружения мы встретимся со счастьем взглядом, оно подмигнет нам и объявит своим избранником. Надо только не расцеплять рук, быть частью этого хоровода.

«Какие руки? Какой хоровод? Автор! Оглянись вокруг! Каждый сам по себе», — продолжает бушевать строгий читатель.

Не соглашусь. Уверена, что люди связаны друг с другом незримыми нитями. Просто в этом хороводе мы не видим тех, кто идет позади нас. Не можем рассмотреть тех, кто впереди: сутулая спина, невыразительный затылок, лица не видно. Да и зачем нам его лицо? Так рождается иллюзия нашего одиночества.

Эти рассказы напомнят нам, что мы не одни. Наши судьбы, как бусинки, собраны вместе. И от того, кто стоит рядом, зависит наш путь. Счастье улыбается тому, кто не разжал рук, не вышел из хоровода.

Это не просто сборник рассказов. Скорее, это необычный роман про нашу жизнь в виде калейдоскопа коротких историй. Герои передают друг другу эстафету рассказчика. Женщины и мужчины, молодые и не очень, водят хоровод вокруг счастья. В этом круженье, в сцепке рук и есть наше спасение.

Ваша Лана Барсукова

Очень дорогой психолог

У Ирины были проблемы с мужем. На этом фоне проблемы с начальником или с соседом, увлекающимся ночным ремонтом, казались ей незначительными неприятностями. Все-таки муж не сосед. И тем более не начальник. Их-то всегда можно поменять и часто в лучшую сторону. А вот с мужем сложнее. Конечно, и тут замена возможна, но на практике это очень редко ведет к улучшению полезных свойств мужа. К такому выводу Ирина пришла, обобщая и систематизируя опыт своих многократно замужних подруг.

Будучи человеком с высшим математическим образованием, Ирина подвела под свои наблюдения мощную теоретическую базу. База была такова: женщины укладываются в нормальное распределение, то есть абсолютное большинство женщин обладают средним, но вполне добротным интеллектом и прочими средними достоинствами. И лишь единицы оказываются полными дурами или абсолютными умницами. Уродки встречаются так же редко, как и краса-

Лана Барсукова

вицы. Другими словами, отклонения как в худшую, так и в лучшую сторону среди женщин случаются редко. И это в корне отличает их от мужчин, среди которых хронический дефицит нормальных мужиков, зато полно гениев и придурков. У них провал в фазе среднестатистических способностей. И выходит, что обычным нормальным женщинам очень трудно встретить себе подобного мужчину. Вечно попадают какие-то «недоделанные» или, наоборот, слишком умные, слишком заряженные на успех. А с такими жить — это как на вулкане греться. До поры до времени тепло, но в любую минуту может рвануть.

Такие рассуждения привели Ирину к прочному выводу, что ей в жизни в общем-то повезло. Ее муж, Станислав, он же Стасик, был обычным нормальным мужчиной, без особых закидонов. Талантов и прочих выдающихся характеристик у него, слава богу, не было. Но зато и тупости в особо крупных размерах не наблюдалось. К тому же он не пил, не курил, не гулял.

И все бы хорошо, но Стасик обладал тяжелым характером. Другими словами, муж часто был не в духе. Это проявлялось в ворчании по пустякам, в мрачной молчаливости и в дерзких ответах на простые вопросы.

Ирина страдала. Стасик приходил с работы, и она с тревогой вглядывалась в его лицо, пытаясь определить, в каком он сегодня настроении.

— У тебя все хорошо?

— Да.

Очень дорогой психолог

— А почему так односложно? Что-то случилось?

— Все хорошо.

— Точно?

— У меня все хо-ро-шо! — начинал закипать Стасик.

— А что ты кричишь? Я же вижу...

— Что ты видишь?

— Что что-то случилось.

— Да, случилось.

— Что, дорогой?

— Я домой пришел, только и всего. Как ты умеешь доставать своими дурацкими вопросами! — с нескрываемым раздражением отвечал Стасик.

Ирина была не дура. Она умела делать выводы.

На следующий день Ирина намеренно ни о чем не спросила вернувшегося с работы мужа. Более того, она встретила его с демонстративной жизнерадостностью, так выигрышно контрастирующей с его мрачностью.

— Смотри, какой я тебе шарф купила!

Стасик почти с ненавистью посмотрел на ее бодрое лицо. Но промолчал.

Ирина поддала оптимизма:

— И как к куртке подходит...

Стасик сжал челюсти, отчего забегали желваки.

— И недорого совсем...

Стасик шумно задышал через нос.

— Потрогай, какой мягкий...

Лана Барсукова

И Ирина ткнула шарфик в нос мужа. Он выхватил подарок, рывком открыл балконную дверь и швырнул туда мохнатое изделие.

— Ой, — пискнула от неожиданности Ирина, забыв про былой оптимизм.

— Ты что, не видишь? — зарычал Стасик. — У меня на работе неприятности, а ты со своим шарфиком...

Ирина поняла, что не угадала со сценарием. Всю ночь она проплакала в подушку. Утром было принято решение: ей нужен психолог. Ей просто необходимо разделить с кем-то риск неудачных сценариев или вовсе их избежать.

Но деньги... Не то чтобы их не было вовсе. Стасик хорошо зарабатывал, и деньги в семье водились, однако тратить семейный бюджет на такое баловство Ирина считала неправильным. В глубине души она сомневалась в полезности психологов. Но нельзя было отказываться от шанса спасти семью. Ирина боялась, что в следующий раз Стасик выбросит не шарф, а саму Ирину. И не из окна, а из своей жизни.

Искать психолога Ирина решила в Интернете. Расспрашивать подруг о такой интимной сфере она стеснялась. Вот если бы муж пил, тогда другое дело. Подруги дали бы массу полезных советов: от адреса бабушки, которая «заговаривает», до рецепта зелья, от которого «рвет на водку». А тут ерунда, блажь. Стасик не пьет, не бьет, вообще ничего криминального не делает. Просто Ира его раздражает. Подруга Галка наверняка скажет: «Мне бы твои заботы». Нет,

Очень дорогой психолог

психолога придется искать самой, в условиях жесткой конспирации. Ирина твердо решила воспользоваться услугами психолога без ведома мужа. Чтобы ее просветление стало для него приятным сюрпризом.

Интернет оказался набит психологами. Они лезли из его щелей, как солома из прохудившего чучела. Ирина сузила поиск до «психолога, специализирующегося на семейных проблемах». Но и в этом случае предложение явно превышало спрос. Тогда Ирина ввела еще одно ограничение: ей нужен только дистанционный формат. Чтобы психологическую помощь оказали по телефону или Скайпу, без всяких там личных контактов. Ирине казалось, что так ей легче будет говорить о своих проблемах.

Но и при таком ограничении психологов оставалось довольно много. Все хвалили себя, у всех был опыт, все обещали работать до устойчивой положительной динамики. Отличие было лишь в цене. Желанное семейное счастье предлагали за принципиально разные деньги. А зачем платить лишнее, если результат одинаковый?

Ирина нашла самого бюджетного психолога. Перевела символическую сумму на карту и позвонила.

Девочка с выговором хронической отличницы даже не старалась скрыть, как она рада звонку. Очевидно, клиенты не баловали ее своим вниманием. После обмена дежурными фразами приступили к делу.

Лана Барсукова

— У меня проблемы...

— С мужем или детьми?

— С мужем.

— Жалко, — глубоко вздохнула отличница.

— Почему?

— У меня с детьми больше практики. Но я постараюсь вам помочь. Расскажите какой-нибудь эпизод, который остался в вашей памяти как сгусток негативной эмоции.

— Сгусток чего?

— Эмоции.

— Ах, эмоции... Ну, например, я ему шарф купила, а он его на балкон выкинул.

— Кто он?

— Муж. — Ирина начала подозревать, что чрезмерно сэкономила.

— Значит, муж выбросил вещь на балкон. А дверь он при этом открыл широко?

— Да не очень... — опешила Ирина. — Она у нас широко не открывается. Там фикус стоит, ее подпирает.

— Фикус? — почти закричала психологиня. — Это классический случай.

Ирине стало интересно. Все-таки классика ей всегда импонировала.

— Ваш муж таким образом выражал протест.

— Я заметила, — сухо поблагодарила Ирина.

— Он протестует против сковывающих его энергию бытовых артефактов. Балкон — это же не просто дверь. Это преграда на пути к свободе, к свету.

— Вообще-то уже почти ночь была...

Очень дорогой психолог

— Не важно! — возбудилась психологиня. — Улица, воздух, открытое пространство в любом физическом состоянии ассоциируются со свободой и полетом.

— Так он шарф на свободу выпустил? — начала догадываться Ирина.

— Да! Именно! Он придал шарфу импульс, в котором нуждалась его душа, скованная бытом. Вы же сами говорите, что он рванул дверь! Не открыл, а именно рванул!

«Я точно такое говорила?» — подумала Ирина.

Пока она вспоминала, психологиня продолжала:

— Он хотел впустить волю в ваш узкий мирок, но на пути к экзистенциальной свободе встал метафизический фикус.

— Почему же метафизический? Вполне обычный, широколистный, — тихо вставила Ирина. Психологиня начала ее раздражать.

— Это просто так совпало, что фикус сыграл роль фикуса. Могло быть что угодно. Метафизическим фикусом могла оказаться... ну, например, табуретка.

— Ясно, — сказала Ирина, ища возможность завершить разговор.

— Вам надо встать на путь обновления! Показать мужу, что вы разделяете его порыв.

— Как это?

— Откройте дверь на балкон максимально широко, представьте, что вы распахиваете душу всему новому и светлому, и выбросьте прочь этот фикус!

Лана Барсукова

— Спасибо! Я обязательно так и сделаю.

Ирина деликатно поблагодарила и повесила трубку. Стало ясно, что она выбросила не фигурус, а деньги.

Ирина поняла, что при таком низком ценнике наивно ждать реальной помощи. Нужно повысить ставку. И Ирина, скрепя сердце, решила воспользоваться услугами психолога, ценник которого она посчитала средним. Его услуги не грозили разорением, но оставляли в бюджете семьи брешь величиной с новые зимние сапоги. «Ничего, в демисезонных прохожу!» — решила Ирина. Перевела деньги и, упиваясь своей клиентской честностью, позвонила.

Трубку взял мужчина, судя по голосу, молодой.

— Здравствуйте, я звоню по объявлению.

— Я понял.

«Понятливый. Уже хорошо», — заранее обрадовалась Ирина.

— У меня небольшая проблема с мужем...

— Вряд ли небольшая, — перебил мужчина.

— Почему вы так думаете?

— Проблемы с мужем подобны айсбергу. Небольшим он кажется только капитану «Титаника».

— Вы считаете, что мой брак идет ко дну? Как «Титаник»? — Губы у Ирины задрожали.

— Нельзя исключать и такой вариант, — утешил психолог. — Чтоб разобраться в ситуации, нам нужно детально пройти весь ваш путь, с самого детства.

Очень дорогой психолог

— Но я в детстве не жила с моим мужем.

Психолог снисходительно засмеялся.

— Разумеется, не жили. Но в детстве формируются скрытые комплексы, которые преследуют нас всю жизнь.

— Вы не поняли. Я не по поводу своих комплексов звоню. Я по поводу мужа...

— Разумеется, мы говорим о вашем муже. Но разве отношения с ним изолированы от ваших личностных зажимов, от ментальных травм?

— Что вы имеете в виду? — напряглась Ира.

— Я имею в виду секс. Как у вас с ним? Это и есть подводная часть айсберга, острые грани которого буравят днище корабля.

Разговор нравился Ирине все меньше. Хотя надо признать, этот психолог был на голову выше предыдущего варианта. И не случайно он был более дорогим. В его словах просвечивал жизненный опыт, хоть и с порнографическим уклоном. Все-таки секс больше ассоциировался с семейной жизнью, чем фикус. Даже широколистный.

— И что же мне делать? — краснея, спросила Ирина.

— Записаться на мои курсы, посвященные раскрытию сексуальной энергии. Пара вводных лекций будет стоить...

И он назвал сумму, значительно превышающую стоимость зимних сапог.

— К лекциям прилагаются практические занятия. Но это по желанию и совершенно бесплатно, — щедро посулил он.

Лана Барсукова

Ирина, пообещав подумать, нажала «отбой». Сердце стучало, в ушах шумело. Все-таки дорогой специалист не зря брал деньги. После разговора о фикусе такого эффекта не было.

Вдохновленная наметившейся тенденцией, Ирина решила, что один раз живем, и подняла планку на максимально доступный ей уровень. Она замахнулась на самого дорогого специалиста, найденного ею на просторах Интернета. Разумеется, среди тех, кто работал дистанционно.

Правда, на этот раз ей предложили поговорить по Скайпу. Это почти как телефон, только с изображением. Как было сказано в объявлении, нужен контакт «глаза в глаза».

Ирина подготовилась к сеансу довольно тщательно. Покрасила волосы, подправила брови и купила новую блузку. И во всей этой красоте в назначенное время вошла в систему. Ей казалось, что говорить о семейных проблемах в растрепанном виде не то чтобы неприлично, но как-то несерьезно.

Экран подмигнул деловито и соблазнительно одновременно. Установилось четкое изображение, и Ирина от неожиданности сконфуженно ахнула.

Во весь экран раскинулось тропическое буйство красок. Дело происходило где-то на Бали или в Таиланде. Только там растут такие жизнерадостные стебли, обремененные огромными цветами. На первом плане, под бамбуковым навесом, появилась женщина в купальнике, который был куплен в надежде на похудение.

Очень дорогой психолог

Ирина почувствовала неуместность своей новой блузки.

— Привет! — сказала женщина, плюхнувшись на стул с бокалом в руке. Судя по объему бокала, это была кола. Судя по жизнерадостности женщины — коньяк.

— Привет, — поддержала почин Ирина.

— Меня Мариной зовут. Ну че у тебя стряслось?

Ирина сглотнула.

— Да муж... Нет взаимопонимания... Шарф подарила, так он выкинул...

— Стоп! Не гони картину. Че за шарф?

— Нормальный. Стильный даже.

— Так сама бы и носила, раз стильный. Лучше б себе что-нибудь стильное купила.

Ирина обиделась за блузку.

— Например, новые сиськи, — захохотала Марина. — Ладно, шучу. Давай продолжим. На фига мужику шарф?

— У нас холодно бывает, — извиняясь, напомнила Ирина.

— Ты б ему еще теплые носки подарила, раз холодно. Ты че, дура?

Ирина поняла, что вопрос риторический, и проигнорировала его. Психологиня продолжала:

— Нормальный мужик. Естественная реакция — основа нормальной семейной жизни. Считай, что тебе повезло.

У Ирины на душе потеплело.

— Давай дальше. Че еще? Ну что тебя в дискомфорт вводит?

Лана Барсукова

— Ну, он молчит иногда подолгу.

— А тебе болтун нужен?

Градус радости рос. Ирина точно знала, что болтун ей не нужен.

— Ну, злится иногда, когда спрашиваю о чем-нибудь...

— А тебе больно надо спрашивать? Своих проблем мало? Радуйся, что такой попался. Знаешь, сколько теток плачет, что мужики на них свои проблемы вешают? Да они твоего бы с руками оторвали. Кстати, куда он шарф выбросил?

— В окно, на балкон, если быть точной.

— Слушай, как он с тобой живет? Кому нужна твоя точность? Мужик нормальный! Выкинул без потери стоимости! Сбегала, подобрала, отряхнула, всего и делов-то. У одной моей клиентки муж чуть что, сразу резать ножницами все начинает. Вот где кошмар! Я уже полгода ее лечу.

— Так значит, есть надежда... А я уже думала, что развод...

— Ты че, дура?

Ирина счастливо вздохнула.

— Ладно, у меня время вышло, пойду искупнусь. — Психологиня приподнялась, припав к экрану спелыми грудями.

Ирина благодарно взирала на их мощь. Они были большие и какие-то первозданные, как правда о ее семейном счастье.

Экран мигнул, и изображение тропического рая пропало. Но теперь цветы распустились в душе у Ирины.

Очень дорогой психолог

«Дура я, что ли?» — оценила она былые семейные несчастья. И мысль о новых сиськах вытеснила воспоминание о шарфе. «Все-таки нельзя экономить на психологах», — сделала Ирина правильный вывод.

В коридоре раздался звук проворачиваемого ключа. Стасик вернулся! И Ирина бодрым шагом пошла встречать свою старую, но такую новую семейную жизнь.

Впустить холод

Марина тяжело зарабатывала на жизнь. Судьба помотала ее, как щепку в весеннем ручье, а потом, наигравшись, выбросила на берег. Берегом оказался овощной ларек, где приходилось весь день развешивать лук и картошку под пристальным вниманием бдительных покупателей. Их Марина тихо ненавидела. Особенно ее доставали старушки, которые интересовались, хрумкая ли морковка. Так и подмывало спросить: «Ты, бабка, грызть ее, что ли, будешь? Чем?»

Но Марина терпела. Рашид, хозяин лотка, не любил своеволия. Иногда он даже сам вставал за прилавок, чтобы показать Марине мастер-класс культурного обслуживания. Он говорил комплименты покупательницам или овощам — в зависимости от ситуации. Если морковку брала молодая девушка, то он рассыпался в комплиментах по поводу ее красоты, а если в окошко заглядывала зрелая тетя, то Рашид предпочитал хвалить корнеплод. Похоже, он любил и умел торговать.

Впустить холод

А Марина не любила. Поэтому торговала сжав зубы, сквозь которые прорывалось только дежурное «Приходите еще». Так велел Рашид.

Даже к баклажанам у Марины было больше любви, чем к покупателям. Овощи хотя бы не задавали глупых вопросов.

— Бананы свежие? Урожай этого года?

«Ты че, дура? Они ж гниют быстрее, чем я старею», — чесалось на языке. Но перед глазами вставал Рашид, и Марина тихо сипела:

— Свежие. Только с пальмы.

В эти секунды перед Мариным взором вставали пальмы — ровные, как березки в русском лесу. И такие же крепкие, как дубы у Лукomorья. Но вонь квашеной капусты не давала полностью уйти в страну грез. Капуста напоминала о родине.

В очередной раз огорченная контрастом, Марина отпустила покупательницу и начала от скуки просматривать телефон. И тут открылось, что она пропустила СМС с незнакомого номера.

Сообщение было таким странным, что Марина прочитала его три раза. Два раза — чтобы понять смысл, третий раз — для закрепления впечатления. А впечатление было самое гадкое: ею хотят воспользоваться. Дело в том, что Марина жила в Москве, и подозревать всех и каждого в том, что они зарятся на ее жилплощадь, стало ее второй натурой.

«Добрый день, дорогая Марина! Надеюсь, у Вас все хорошо. Признаться, мне следовало бы спросить

Лана Барсукова

об этом раньше, и вообще чаще интересоваться Вашими делами. Ведь мы приходимся друг другу троюродными сестрами по линии нашего дедушки, проживающего в славные времена в краях дальних, но плодородных. Думаю, что именно с этим обстоятельством связана такая ветвистость нашего семейного дерева. И мы с Вами, Мариночка, как две веточки на нем. Вот подул ветер, и веточки приблизились навстречу друг другу. И только от нас зависит, пересекутся ли они. Одним словом, судьбе угодно, чтобы я оказалась в Москве. Счастливым случаем подарил нам одну ночь, чтобы мы утолили жажду в общении. Если Вы этого хотите так же сильно, как и я, напишите мне свой адрес. Ваш телефон мне дала добрейшая тетя Сима, но, к ее величайшему огорчению, адрес она не знает. Надеюсь, что в ближайшие выходные мы сможем обняться как сестры.

Эльвира, троюродная племянница тети Симы».

«А ты не охренела, Эльвира?» — подумала Марина. И ее воображаемая веточка больно хлестнула приблизившийся к ней отросток родового дерева.

Руки чесались набить ответный текст. И Марина обязательно это сделала бы, вложив в него всю силу своей любви к неопознанным родственникам из провинции, но тут по стеклу постучали:

— Капустка как?

Мужчина был изрядно навеселе. Практически пьян.

— В каком смысле как?

Впустить холод

— Свежая? — Мужчина икнул.

— Квашеная, — устало пояснила Марина, понимая по состоянию мужчины, что ему надо.

— Одно другому не помеха, — философски заметил покупатель. — Так свежая?

— Я же сказала, квашеная.

Мужчина задумался.

— Видите ли, — сказал он, дыхнув перегаром, — вы сужаете семан... семан... семантический смысл слова «свежая». Квашеная капуста тоже может быть свежей.

И он опять громко икнул.

— Да, я пьян, но с точки зрения субъективного идеализма... — Он замолк, потеряв мысль.

Марина не любила умников. Точнее, она допускала их существование, но в других жизненных мирах. Пусть по телевизору изгаляются, из пустого в порожнее переливают. Но тут ларек. Пространство нормальной жизни. Какого, спрашивается, фига она должна все это выслушивать?

— Так тебе свежая нужна? Щас будет, — сказала Марина и бухнула на весы здоровенный вилок.

Мужчина задохнулся от возмущения, взмахнул рукой и потерял равновесие. Но не упал. Кто-то, стоявший сзади, подхватил его и помог обрести новую точку опоры.

На Маринину беду, этим кем-то оказался Рашид. Он посмотрел на нее, как на просроченный товар с явными признаками гниения. А что делают с таким товаром, Марина знала.

Лана Барсукова

И не ошиблась. Рашид рассчитал ее быстро и без сантиментов.

В один день Марина обрела троюродную сестру и потеряла работу. Баланс был так себе, но все же жизнь обыграла ее не всухую. И Марина, настроившись на философский лад, решила принять сестру. Эльвира или Элеонора, как там ее. Очень уж захотелось рассказать кому-то про упыря Рашида, про свою незадавшуюся жизнь, которая после трех браков взяла да и оставила ее в недоуменном одиночестве. Причем без детей. То есть без алиментов.

С экрана ее телефона в неведомое пространство полетел ответ: «Если очень хочется, то приезжай. Я не против. Адрес высылаю, только больше никому из родственников не давай».

И вот в назначенный день на пороге ее отдельной жилплощади появилась экзотическая женщина. Эльвира носила шляпку и, чтобы растегнуть сапоги, приседала, как будто делала реверанс.

Словом, ничто не намекало на то, что она — сестра. Хотя и троюродная. Ведь даже дальние веточки должны иметь один корень, а тут он даже не проглядывал. Марина со свойственной ей прямоотой объявила это на второй минуте знакомства.

— Ну, корень-то у нас явно разный. Ты — как орхидея, а я — полынь. Ну, или лебеда.

— Перестань такое произносить вслух, — испуганно заморгала Эльвира. — Там все слы-

Впустить холод

шат! — И она закатила глазки наверх. — Это затруднит твоё перерождение в новую, желаемую сущность.

Марина тоже посмотрела наверх. Увидела серый потолок, подумала о ремонте, потом о том, что на него нет денег, расстроилась и дала слабину:

— Какое перерождение? Ты о чём бредишь?

— Каждый человек может стать тем, кем он себя видит. Надо только получше визуализировать желаемый образ и аккуратно двигаться ему навстречу.

Марина поняла, что обрекла себя на соседство с шизофреничкой, но та уже переступила порог. Прогонять было поздно. Где-то в их корнях, согласно семейным поверьям, затесался грузин, и теперь на геномном уровне закон гостеприимства прочно держал Марину за горло.

Пришлось кормить гостью, стелить чистую постель, выдавать ей новое полотенце. Эльвира попискивала «Как ты добра!», высокопарно и старомодно выражая свою благодарность. Обращаться на «вы» Марина запретила в довольно категоричной форме.

По ходу дела Марина немного привыкла к экзальтированной манере сестры. Даже слегка расположилась к ней и широким жестом предложила принять душ. Когда Эльвира покинула ванну, Марина, не особо скрывая намерений, тут же пошла проверить, не набрызгала ли гостя.

Лана Барсукова

И вот тут-то жгучий интерес к Эльвире накрыл Марину с ног до головы. У интереса был стойкий вкус зависти с примесью возмущения. На стиральной машинке была разложена косметика Эльвиры. «Твою мать!» – выдохнула хозяйка.

Это была косметика экстра-класса. Дорогая, очень дорогая. Марина знала в этом толк, ведь она не всегда сидела в овощном ларьке. Когда-то она стояла посреди косметического рая в гордой роли продавца-консультанта. Таковую косметику покупали только холеные женщины, в которых были вкачаны такие технологии, что даже вазелин не испортил бы их кожу. Однако они покупали только самое лучшее, самое дорогое. И весь этот ассортимент сейчас скромно лежал на Мариной стиралке.

Выйдя из ванной, Марина внимательно оглядела троюродную сестру. Осмотр не дал ничего нового. Скромная внешность, припудренная легкой придурковатостью.

– У тебя кто муж? – напрямки спросила Марина.

– Я не замужем. А ты?

– Я тоже, – отмахнулась Марина. Сейчас был тот редкий случай, когда собственная персона ее мало интересовала. – А тогда кто твой любовник?

– Мариночка, мне кажется, ты вторгаешься в интимную сферу. Я бы не хотела облекать в слова то, на что только намекает судьба... Все пока так зыбко, так неопределенно...

Впустить холод

— Ты че, дура? — ободрила ее Марина. — Такие подарки неопределенные мужики не дарят.

— Что ты имеешь в виду?

— Косметику я имею в виду. Это же стоит, как крыло самолета.

— Ах, это, — разочарованно вздохнула Эльвира. — Косметику я сама себе покупаю. Мой мужчина пока не перешел ту тонкую грань...

— Сама? — перебила Марина. В кои-то веки ей было неинтересно обсуждать мужчину.

— Да, сама. Знаешь, в этом, конечно, есть что-то неправильное. Такие покупки замыкают контур нашей самодостаточности, и тем самым мы усложняем путь тех, кто спешит к нам, чтобы прорвать этот контур.

— Стоп! К черту твой контур! Давай по порядку: ты вообще кем работаешь?

— Я консультант по душевным травмам. Мне не очень нравится, когда меня называют психологом, это слишком консервативное и неточное название.

— Мозгоправ, что ли? — выдала Марина свою версию, по ее мнению, менее консервативную и более точную.

— Ну... типа того. — Эльвира улыбнулась.

Марина слегка расстроилась. На эту телегу ей было не заскочить. Тут нужно особое образование. Его за чашкой чая, как грипп, не подхватить.

— Долго училась? — мрачно спросила она.

— Долго! Сначала в институте, потом в аспирантуре, написала диссертацию, даже защити-

Лана Барсукова

лась. А потом подумала: «Кому нужна моя литературная критика? Я всегда буду вторична, всегда в тени великих имен».

— Стоп! Что-то я нить потеряла. При чем здесь литературная критика?

— Так я же литературовед по образованию.

— Не поняла. Как твои Пушкины с психами связаны? — широко поставила вопрос Марина.

— Никак не связаны. Просто мне показалось, что ты спросила меня про мой образовательный бэкграунд. Я же потом переквалифицировалась в психолога. Стала помогать людям решать их личностные проблемы...

— Так ты на ходу переобулась? — восхитилась Марина.

— Видишь ли, литературные герои переживают те же кризисные состояния, что и обычные люди. Более того, рука классика придает этим страданиям формат завершенности, как бы отделяя их от рутины. В обычной жизни множество мелких бытовых проблем застят нам глаза, и очень трудно определить истинные причины душевных мук. А в литературе все выпуклее, явственнее. И вместе с тем, все типы, что встречаются в жизни, с абсолютной достоверностью запечатлены в классической литературе. Нужно лишь определить, кто из моих клиентов Онегин, кто Печорин, а кто и Хлестаков. Поверь, они довольно часто встречаются среди современных мужчин. Мой авторский метод решения личностных проблем основан на литературных аналогиях...

Впустить холод

Марина не очень увлекалась литературой и об Онегине думать ей вовсе не хотелось. Зато ей было интересно другое:

— Стоп! Так у вас там что? Даже диплом не спрашивают?

— Что значит спрашивают? Отношения с клиентом строятся на доверии. Это же не капустой в овощном ларьке торговать, — сказала Эльвира, даже не догадываясь, насколько доходчиво она все объяснила.

При упоминании ларька Марина немного дернулась, но быстро вернулась в состояние повышенной любознательности.

— Совсем-совсем не проверяют?

— Разумеется, я потом много ездила на разные тренинги, обучалась на интенсивных семинарах...

— Дорого стоит?

— Что?

— Пройти такой семинар. Ну, сколько стоит получить такую бумажку, чтобы, если что, показать можно было?

— Цены очень различаются. Все зависит от личности мастера, чей опыт стараются перенять. Есть откровенно дешевые варианты, но мне кажется, что это профанация...

— Понятно, — прервала ее Марина. — И что? С твоих консультаций можно такую косметику покупать?

— Видишь ли, Мариночка, я давно практикую, у меня обширная клиентура...

— Значит, можно, — смекнула Марина.

Лана Барсукова

В голове что-то шумело, откуда-то изнутри поднимался ропот протеста против овощного ларька, копеечного крема и по акции купленной губной помады. Марина решила взять паузу для того, чтобы обдумать услышанное.

— Ладно, давай спать.

Она уже хотела уйти в свою комнату, оставив гостью на тахте в гостиной, как та попросила:

— Если ты не против, я впущу холод.

Марина запнулась на пороге:

— Что сделаешь?

— Холод впущу. Форточку открою, если это не нарушит твои представления о комфорте.

Не часто кому-то удавалось довести Марину до растерянности. Она изумленно смотрела на сестру. И та решила, что от нее требуют пояснений:

— Видишь ли, от наших установок зависит все, включая работу нашего организма. Ты не задумывалась, почему осенью люди часто болеют?

— Потому что погода портится, слякоть, дожди разные.

— Если бы все было так просто, — покровительственно вздохнула Эльвира. В ней даже почудилась усталость от объяснения азбучных истин. — Дело в том, что после солнечного лета мы не хотим принять эту слякоть, внутренне сопротивляемся ей. И от этой борьбы организм слабеет, теряет силы. Мы заболеваем от собственного неумения принять осеннюю

Впустить холод

слякоть, впустить в себя новое состояние природы.

Эльвира победно посмотрела на сестру и закончила примером из собственной жизни:

— Я всегда сплю с открытой форточкой, чтобы впустить холод. Очень важно слиться с состоянием природы, гармонизироваться с ней. Холод не нужно прогонять, наоборот, нужно открыться ему, принять его право на господство в твоей спальне.

Марина ошарашенно молчала.

— Еще очень помогают холодные обливания ног, — уже более буднично завершила сестра.

— Так это же всегда называлось закаливанием, — подозрительно сказала Марина.

— Это закаливание в другой картине мира. Закаливание — это язык медсестры из районной поликлиники. А мои клиенты ценят возможность слиться с холодной водой, почувствовать, как их внутренний мир распахивается перед внешним...

У Марины было лицо человека, который открыл для себя новую реальность. Очень внимательное лицо.

Тепло попрощавшись, сестры расстались на ночь.

Эльвира всю ночь впускала холод, отчего Марине пришлось достать с антресоли еще одно одеяло. Но утром они проснулись бодрые и заряженные на дальнейшее общение. Однако времени оставалось мало, через пару часов за Эльвирой должно было приехать такси.

Лана Барсукова

У Марины оставался только один вопрос:

— Так если у тебя деньги есть, зачем ты меня разыскала? В гостинице могла переночевать.

— Я хотела познакомиться с тобой. Мне тетя Сима про тебя много рассказывала.

— Да ладно тебе... — Марине было приятно.

— У меня не очень хорошо получается противостоять негативной энергии. А тетя Сима говорила, что ты можешь одним словом отключить от своего эмоционального потока ненужного тебе человека.

— Это я могу, — подтвердила Марина.

— Да-да, — восторженно закивала сестра. — Ты очень убедительна во всех своих проявлениях, ты буквально всего можешь добиться. Вот чего ты хочешь?

Марина на секунду задумалась. Ровные ряды тропических березок с огромными, как опахала, листьями встали перед ее затуманенным взором.

— Жить под пальмами, — созналась она.

— А кто тебе мешает?

Вопрос поставил Марину в тупик. И действительно, даже Рашид больше не помеха. Никто ее здесь не держит.

Она так сильно задумалась, что довольно рассеянно и небрежно проводила сестру, поспешно закрыла за ней дверь и, вернувшись в комнату, сказала:

— А не впустить ли мне свет?

С этими словами она раздвинула шторы, и яркий солнечный свет залил комнату. Но теперь Марина точно знала, что этого света ей мало.

Впустить холод

Она больше не будет довольствоваться малым — овощным ларьком, дешевой косметикой, редкими солнечными днями. Ей нужны пальмы, свет и деньги.

А главное, у нее все для этого есть — убедительность и трезвый взгляд на мир. Уж если чуждачка Эльвира учит «впускать холод» за деньги, то она, Марина, с ее-то жизненным опытом, будет на этом рынке на вес золота. «Все-таки три ходки замуж не у каждого мозгоправа в загашнике есть», — прикинула она свои шансы на успех.

Ночью Марина впустила в свою комнату холод. Она хотела попрощаться с ним перед отъездом. Пальмы ждали ее в прекрасном и недалеком будущем.